



Религиоведение. 2021. № 3. С. 151–159.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 3. P. 151–159.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.3.151-159

¹ Головнева Е.В., ² Головнев И.А.

¹ Уральский федеральный университет; ^{1,2} Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

¹ 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; ^{1,2} 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3

¹ golovneva.elena@gmail.com; ² golovnev.ivan@gmail.com

Советская антирелигиозная фильма. «Сектанты» Владимира Королевича (1930)

Аннотация. В статье рассматривается уникальный феномен советского кинематографа – антирелигиозный фильм 1920–1930-х гг. – до сих пор не получивший должного осмысления в гуманитарной историографии. Являясь органичной частью «культурной революции», с одной стороны, антирелигиозные фильмы этого периода выступали эффективным инструментом пропаганды молодого советского государства в борьбе как с официальной церковью, так и с проявлениями бытовой религиозности. С другой стороны, их создание сопровождалось подробными теоретическими и методическими рекомендациями по формам взаимодействия партийных пропагандистов со зрителем и по форматам презентации антирелигиозных установок. Опираясь на не публиковавшиеся прежде архивные материалы, авторы обращаются к одному из самых ярких примеров подобных киноработ – фильму «Сектанты» Владимира Королевича (Совкино, 1930). В качестве контекста, в котором происходило создание фильма, рассматриваются смежные процессы в советской культуре и политике. На примере фильма «Сектанты» исследуются кинематографические приёмы конструирования негативного образа сектантских организаций в СССР и его трансляция на широкую аудиторию в идеологически выверенной транскрипции. Делается вывод о том, что советское антирелигиозное кино, сочетая приёмы авангардного киноискусства и научного атеизма, успешно выполняло возложенную на него пропагандистскую миссию. В этой проекции фильм «Сектанты» является ценным историческим источником, запечатлев противоречивые явления своего времени, направленные на экранное конструирование «советскости» как новой религии.

Ключевые слова: антирелигиозное движение в СССР, сектантство, антирелигиозный фильм, культурная политика, идеология, пропаганда, фильм «Сектанты» (1930), Владимир Королевич

¹ Elena V. Golovneva, ² Ivan A. Golovnev

¹ Ural Federal University; ^{1,2} Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS

¹ 19 Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia; ^{1,2} 3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

¹ golovneva.elena@gmail.com; ² golovnev.ivan@gmail.com

Soviet Anti-Religious Film. “Sectarians” by Vladimir Korolevich (1930)

Abstract. The article examines a unique phenomenon of Soviet cinema – the anti-religious film of the 1920s–1930s – a question insufficiently explored in humanitarian historiography so far. Being an organic part of the “cultural revolution”, on the one hand, anti-religious films of this period acted as an effective tool for the propaganda of the Soviet state in the fight against both the official church and manifestations of everyday religiosity. On the other hand, their creation was accompanied by detailed theoretical and methodological recommendations on the forms of interaction of party propagandists with the audience, and on the formats for the presentation of anti-religious attitudes. Based on previously unpublished archival materials, the authors bring to the fore one of the most indicative of such films titled “Sectarians” shoot by Vladimir Korolevich (Sovkino, 1930). The authors consider the film as a document of that time and analyze processes that ran parallel with one another in the Soviet culture and policy. Taking the film “Sectarians” as a case-study, the authors explore cinematic methods of constructing a negative image of sectarian organizations in the USSR and its broadcast to a wide audience in ideological way. The authors come to the conclusion that the Soviet anti-religious cinema, combining the techniques of avant-garde cinematography and scientific atheism,



Е.В. Головнева



И.А. Головнев

successfully fulfilled its propaganda mission. In this context, the film “Sectarians” is a valuable historical source, that represented the contradictory phenomena of its time and was aimed at the visual reconstruction of “Sovietness” as a new religion.

Key words: anti-religious movement in the USSR, sectarianism, anti-religious film, cultural policy, ideology, propaganda, film “Sectarians” (1930), Vladimir Korolevich

Феномен антирелигиозной фильма

С утверждением советской власти религиозная тема стала наиболее характерным выражением культурного обновления страны Советов. В 1920-е гг. кинематограф начинает рассматриваться большевиками как эффективный инструмент «культурной революции» [Cultural revolution, 1984], в том числе антирелигиозной пропаганды в борьбе как с официальной церковью, так и с проявлениями бытовой религиозности. Согласно резолюции Первого всесоюзного партсовещания по кино (1928), в структуре советского кинопроизводства, «наряду с культурфильмами, научно-популярной, этнографической, школьной, учебной, <...> хроникальной фильмой, дающей наиболее полное и разностороннее освещение событий политической, хозяйственной и культурной жизни СССР», необходимо было создать особый жанр «идейно выдержанной антирелигиозной фильма» [Паушкин, 1930, 3]. Кино, по эмоциональному выражению организатора антирелигиозных сеансов Н.Я. Шагурина, должно было стать «отточенным оружием воинствующего безбожия» [Шагурин, 1930б, 11].

Создание антирелигиозных фильмов органично вписывалось в идеологический контекст того времени и соответствовало последовательному наступлению молодого советского государства на права церкви: в 1918 г. – декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви, в 1922 г. – репрессии против церкви в связи с её попытками помочь голодающим Поволжья, в 1925 г. – фактическая ликвидация патриаршества, в 1929 г. – признание церкви «единственной легально действующей контрреволюционной силой» [Мазур, Горбачёв, 2013, 44]. Именно этой беспощадной борьбе с «контрреволюционной силой» и должна была быть подчинена работа антирелигиозных, «идеологически выдержанных», сделанных без вычурности и исканий, но и без упрощенчества и примитива» [Шагурин, 1930б, 8], кинофильмов. «Заострение» зрительного нерва явилось логичным последствием политических перемен и их агентом [Ушакин, 2020].

Цель антирелигиозной фильма – не только убедить зрителя в исторической справедливости свершившейся революции и неизбежности победы социализма, но и уничтожить сами основания религиозного сознания в советском обществе. Как отмечал глава «Совкино» И.П. Трайнин, «антирелигиозная пропаганда, ограничивающаяся показом традиционного попики – пьяненького, отплясывающего и гонящегося в пьяном виде за девками, – ничего не дала и дать не может, поскольку уж и крестьянин понимает, что и попу свойственны человеческие слабости. Нам нужно бить в самую основу: не столько по клиру, сколько по самой религии. Тут одними лобными ударами не обойдешься – нужны удары манёвренные, обходные. Убедительная, например, фильма – научно-популярная – будет более острым оружием против проповедей и учений, нежели высмеивание в художественных фильмах» [Трайнин, 1930, 66]. Эта установка получила производственное развитие, и уже к 1930 г. в СССР было выпущено около трёх десятков фильмов антирелигиозного содержания («Опиум», «Иуда», «Сектанты», «Кровавое воскресенье» («Девятое января»), «Мать», «Хозяин черных скал», «Отец Серафим», «За монастырской стеной», «Старец Василий Грязнов», «Крест и маузер», «Тайна святого Йоргена», «Во имя бога», «Из-под сводов мечети», «Разбитые боги», «О купце, нынче братце во Христе» и др.) [Гурьянов, 2018, 132].

В качестве методов борьбы с суевериями и предрассудками в антирелигиозных фильмах предлагалась, в частности, популяризация естествознания, широкое распространение научных сведений о природе и её «тайнах». Этот метод, как считалось, расширял кругозор массового зрителя, разоблачал «глупые басни и сказки о русалках, Илье Пророке и т.п.» [Шагурин, 1930б, 8]. Особое внимание уделялось

агитационным сюжетам, «которые необходимо было сделать в фильме более выпуклыми с тем, чтобы и развлекательный материал кино организовывал мысли и чувства зрителей в нужном пролетариату направлении» [Шагурин, 1930б, 9]. Для «более действенного и заострённого эффекта» в создании антирелигиозных фильмов, в частности, использовалась идея «монтажа аттракционов» С. Эйзенштейна, предусматривавшая создание на экране «динамического и эксцентрического» театра, ярких кусков зрелищ любого жанра, способных воздействовать на чувства зрителя [Эйзенштейн, 1964]. Сопровождать антирелигиозные фильмы предписывалось репликами, пословицами, шутками, частушками, ироничными замечаниями. Кроме того, для усиления агитационного эффекта (особенно – среди деревенского населения) антирелигиозный фильм предлагалось комбинировать с лекцией, экскурсией, агитсудом, конкурсом, викториной, окружением картины лозунгами, плакатами и всеми другими видами пропаганды [Полтевский, 1930, 3], которые бы разъясняли смысл и пользу новых (советских) культурных форм.

Следствием антирелигиозной работы с использованием фильмов должны были стать не только «правильные» умозаключения советских граждан относительно религии, но и конкретные действия на местах: отказ от церковных праздников с заменой их праздниками труда, передача церковей под клубы, организация колхозов и т.п. Характерным звеном данной деятельности для того периода было и соответствующее освещение подобных преобразований в прессе. Например, в газете «Кино и жизнь» (1930) специально отмечалось, что собор в Севастополе, в котором императрица Екатерина II «слушала литургию», был превращён в кинотеатр севастопольского ДКАФа имени Шмидта, где «каждый вечер полторы тысячи красноармейцев совершенно бесплатно смотрят лучшие кинофильмы <...>, а поповскую трескотню в старом соборе сменило монотонное потрескивание киноаппарата, заглушаемое музыкой... Таковы шаги революции» [Поляновский, 1930, 4]. Демонстрация антирелигиозных картин и фильмов с тематически смежным агитационным уклоном, таким образом, призвана была служить для всестороннего развёртывания антирелигиозной работы по всей стране. Более того, именно кино часто становилось основанием, на котором выстраивалась остальная агитационно-просветительская работа.

В этом контексте интересно изучить конкретные кинематографические опыты борьбы с религией, исследовать формы и методы медийной антирелигиозной пропаганды как целенаправленного духовного воздействия, использующего практики дисциплинирования и контроля мышления, которые ранее были свойственны только религиозным институтам. На современном этапе обращение к антирелигиозным фильмам как историческому источнику требует от исследователя разработки особой методики их анализа с учётом родо-видовых свойств документов, к которым относятся специфическая художественно-идеальная форма отражения действительности, особые идеологические, воспитательные и информационные функции кинематографа, его воздействие на сознание и модели поведения людей (эффект кодирования). Необходимо учитывать, что любой фильм – это чаще всего результат коллективного творчества (режиссёра, сценариста, оператора, композитора и пр.), а учитывая цензуру, фильм предстаёт как отражение коллективного сознательного и бессознательного [Мазур, Горбачёв, 2013, 43]. Обращение к антирелигиозным картинам 1920–1930-х гг., помимо прочего, является частью общего исследовательского пути по осмыслению роли кинематографа в формировании визуального языка раннесоветской эпохи (илл. 1).

Фильм «Сектанты» Владимира Королевича

Обратимся далее к одному из ярких примеров «антирелигиозной фильм» – полнометражной картине «Сектанты» (реж. В. Королевич, 1930), посвящённой сектам «Прыгуны», «Новоизраиль», «Духоборы», «Фёдоровцы», «Скопцы» и «Летуны» [РГАКФД]. Как известно, характерными чертами подобных сект (евангельских христиан и баптистов), перешедшими из прошлого в современность, являются: наличие харизматического лидера и сплочение вокруг него, членство на основе личного обращения, ненависть к окружающему миру, погрязшему в пороках, культ жертвенности, идеал «духовного пустынножительства» и т.п. Поскольку из вероучения сектантов необходимо вытекало то, что всё, выходящее за рамки религиозной жизни

общины и забот о личном спасении, является не важным, второстепенным, лидеры сектантов враждебно встретили Октябрьскую революцию и советскую власть, противопоставляя революционному пути преобразования общества свою «революцию духа». Как отмечал этнограф Н.Н. Волков в своей работе о секте скопцов (1930): «Ещё и поныне «живы» скопческий царь Пётр III и вот-вот вострубит «в золотую трубушку», призывая верных праведных... Как и раньше приводят в секту «новииков», рубят голову «змюю-лепости» и радеют до полного изнеможения» [Волков, 1930, 130].

Хотя в начале 1920-х гг. большевистская власть ещё питала определённые иллюзии в отношении «коммунистических» тенденций в сектантской культуре, о перспективах строительства советских сельскохозяйственных общин руками сектантов довольно скоро забыли [Панченко, 2002, 17]. В 1927–1928 гг. была проведена большая работа по сбору и анализу материала, детальному изучению сектантства, главным образом, его «социально-классового» лица [Потапова, 2014, 129]. Согласно резолюции состоявшегося в 1929 году II съезда всесоюзной общественной организации «Союза безбожников», сектантские организации в лице верхушек, проповедников, активистов объявлялись «политической агентурой и политическим аппаратом не только кулака и нэпмана, но и прямой политической агентурой и военно-шпионскими организациями международной буржуазии» [Митрохин, 1997]. Первая безбожная литература открыто признала «сектантство» идеологическим конкурентом новой власти – прежде всего, в деревне, а также – чуждым, мелкобуржуазным явлением. На повестку дня ставился вопрос о его нейтрализации. В том числе, с помощью средств кинематографии планировалось создать на экране яркий негативный образ сектантов для его общественного развенчания.



Илл. 1. Кадр из фильма «Сектанты». РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учётный номер 2760.

Съёмки фильма «Сектанты» осуществлялись режиссёром Владимиром Владимировичем Королевиным (настоящая фамилия – Королев) (1894–1969), известным в числе прочего, и своим поэтическим творчеством. Так, В. Королевич участвовал в организации различных поэтических мероприятий, выступал в московских литературных кафе, исполняя собственные драматические произведения. В 1921–1923 гг. он занимался театральной режиссурой, а в дальнейшем начал работу в кинематографе – в частности, участвовал в создании сценария к фильму Н. Петрова «Сердца и доллары» (1924), выступил автором документального фильма «Страна Чувашская» (1927). В соавторстве с Н. Крыловой в 1928 г. он создал одну из первых советских инсценировок романа Льва Толстого «Анна Каренина». И 1929–1930 гг. В. Королевич посвятил работе над фильмом «Сектанты», посвящённом осуждению религии и культурных практик сектантства.

В обличительной манере рассматривались следующие сюжеты из жизни сектантов: вербовка сельчан в секту «фёдоровцев», молитвы и религиозные обряды сектантов, быт переагитированных сектантов – трудотерапия в лечебницах для душевнобольных, занятия детей бывших сектантов в технических, физкультурных кружках, ожидание сектантами конца света в Петров день, лечение знахарками детей, свадьба в секте «духоборов» и т.п.

О некоторых конкретных обстоятельствах киносъёмки сектантов и идеологических установках съёмочной группы красноречиво свидетельствуют воспоминания участников киноэкспедиции «Совкино» – режиссёра В. Королевича и оператора Г. Троянского: «Экспедиции надо было заснять секту «летунов», прочно привившу-

юся в селе Никольское (Новохоперского уезда). Через жителей, не принадлежащих к секте, группа подробно познакомилась с историей “летунов”. Некоторые подробности этой истории весьма ярко подчёркивают невежество и тупость поклонников этой секты. У “летунов” есть богиня, “святая Даша”. В 1925 году она предсказывала конец мира. Произойти это должно было в Петров день. Во время сильной грозы на землю должно было спуститься святое облако и взять на небо всех готовых к жизни на небесах. В ожидании этого события хлеб в этом году не сеяли. Собиравшиеся на небо раздавали своё имущество. Питались водой и мёдом. За несколько дней до Петрова дня, истощённые, лежа на лавках, ждали развязки с землёй. Настал Петров день. Была сильная гроза, но безумцы напрасно ждали священного облака. Крылья ни у кого не выросли, гроза миновала, многие после этого события помешались. Появились истерички. Было разорено 250 дворов. Попытки вернуть розданное имущество были напрасны. С тех пор летуны стали прыгать со скал и крыш, думая, что у них вырастут крылья. Сейчас среди них много калек и изувеченных» [Андреева, 1930, 3].

Общий пафос картины был направлен на то, чтобы показать зрителю «истинное лицо» сектантов, скрытое за маской внешнего благочестия и трудолюбия. Эта позиция отражала установку, выраженную в докладе главного редактора журнала «Безбожник у станка» И.Н. Стукова, согласно которому, «нельзя говорить о том, что сектанты нам не враги. Нет, это наши враги, совершенно определённо наши враги. “Сектант-демократ”, как носитель демократических (то есть буржуазных) ценностей, – враг социалистической пролетарской революции» [Цит. по: Шахнович, 2015, 132]. В результате – лидеры сектантского движения изображались как корыстные и порочные, а религиозная деятельность – преподносилась прежде всего как средство обогащения. Так, в материалах киноэкспедиции В. Королевича отмечалось, что “«верующие» были чрезвычайно жадны до денег. Шагу бесплатно не желали ступить. К счастью, аппетиты у них были небольшие. Начали с 50 коп., плата с каждым днём удваивалась» [Андреева, 1930, 3].

Целенаправленно прорабатывался образ сектантов как фальсификаторов и мошенников, склонных к предательству и саботажу. Из воспоминаний участников киногруппы: «Народ этот злой и недоверчивый. Пребывание в экспедиции сильно взволновало летунов, с их стороны подстраивались всякие каверзы. Над бабами, которые снимались, стали всячески издеваться. Их били и выгоняли из дому. Говорили, что у тех, которые снимались, когда они будут лежать в гробу, на теле у них будут кресты, а там будут сидеть черви и глотать их... Детей уводили матери, угощая их затрещинами, чтобы не смели подходить к антихристовым посланникам. Но дети, вырываясь из рук матерей, кричали: “Привезите к нам еропланы”. В глазах их светилось желание научиться летать по-настоящему» [Андреева, 1930, 3].

В киноповествовании освещались разносторонние сюжеты, снятые различными методами в разных регионах СССР: постановочная реконструкция событий 1925 г. в селении Новая Калитва, связанных со столкновениями «фёдоровцев» и местных крестьян; хроникальная съёмка религиозных обрядов и хозяйственного быта «духоборов» Кавказа; документально-постановочная съёмка жизни переагитированных сектантов в советских реалиях (на приёме у врача, на собрании лесорубов, на сельскохозяйственных работах в поле, на строительстве новых домов, на празднике безбожников) [РГАКФД, 2760.].

Снимавшийся в общей сложности в течение двух лет, фильм «Сектанты» вышел в прокат в 1930 г. Демонстрацию итоговой картины в различных районах осуществляла «антирелигиозная кинопередвижка», целью которой была помощь «местным безбожникам дать толчок вперёд, провести разъяснительную работу, организовать диспут, доклад, беседу, собрание, сплотить и укрепить безбожный актив» [Шагурин, 1930а, 3]. Следуя ведомственным инструкциям по созданию антирелигиозной фильмы, к кинопоказам «Сектанты» рекомендовались следующие темы для сопроводительных лекций: «Религия и женщина», «На чём держится религия», «Религия и борьба за нового человека», «Религия – орудие классового врага» [Полтевский, 1930, 12]. При этом методическая разработка лекции выстраивалась согласно монтажному плану кинокартины и была оформлена в виде таблицы: характеристика предмета в одной из колонок соответствует тексту, который должен произносить лектор.

Очевидно, что для популяризации сложной антирелигиозной тематики общераспространённых вспомогательных мероприятий (лекций, диспутов, плакатов) было недостаточно. Поэтому в 1920–1930-е гг. важное внимание уделялось именно кинематографическим приёмам изображения, в частности, принципам монтажа, унаследованного у авангардного искусства. Авангардистский тип монтажа предполагал неожиданные композиционные разрывы и авторски моделируемые стыки художественного произведения. По словам И. Кукулина, время и пространство при монтаже стало мыслиться как бы нарезанным на фрагменты [Кукулин, 2015, 8], нередко – демонстративно нарезанным. Изучение монтажных листов фильма «Сектанты» и материалов экспедиционных съёмок позволяет рассмотреть те кинематографические приёмы, за счёт которых конструировался образ сектантов на экране.

Сюда следует отнести, прежде всего, акцент на комических эффектах, при применении коих «чудеса», в которые верят сектанты, их религиозные ритуалы и поведение лидеров должны были вызывать у зрителя стойкую ассоциацию с чрезвычайным популярным в то время цирком. Вот как описывали участники киногоруппы процесс съёмки: «В тёмной молельне с закрытыми ставнями обитает “святая Даша”. Со всего округа везут ей зерно, сено, деньги. Быть святым – выгодное предприятие. Только благодаря сектантским “паролям” известным киногоруппе, удалось проникнуть к Даше. Помреж¹ выдал себя за сектанта-“фёдоровца”, но Даша была недоверчива. “Американские документы” тоже мало помогли... Положенные помрежем с молитвою 25 рублей раскрыли уста Даши» [Андреева, 1930, 3].

При совмещении различных по изобразительному содержанию планов конструировалась комичность, когда параллельно смонтированные визуальные фразы искусственно пародировались, смыслово обыгрывая друг друга. Например, кадры мирного отдыха сектантов («Парень-сектант в поле», «Суслик в поле», «Не убий») монтировались с милитаристскими по характеру кадрами («А такой же баптист, как они, бывший министр военных снабжений, Ллойд Джордж», «Ллойд Джордж с английскими буржуа выходит из подъезда здания», «Самолёты в воздухе», «Военное судно в море», «Груды изготовленных снарядов на территории иностранного военного завода», «Для будущей бойни и нападения на СССР») [РГАКФД. 2760. Л. 50]. Так, сочетанием подчас не связанных между собой локаций и объектов в картине достигался эффект создания нового смысла, что можно отнести к экспериментальным опытам в русле популярной в изучаемый период теории Льва Кулешова, согласно которой, два соседних кадра в разных монтажных сочетаниях могут дать разные смысловые значения [Кулешов, 1999].

В фильме представлен широкий методологический спектр, разрабатывавшийся в советском кинематографе того времени: метод «реконструкции» событий, сочетание приёмов игрового и документального кино, а также – конструирование заданных смыслов на соединении визуальных образов и текстовых надписей. В частности, использование в фильме «Сектанты» броских титров-лозунгов («Страх создал богов», «В. Ленин», «Товарищи, помните завет Ильича».



Илл. 2. Кадр из фильма «Сектанты». РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учётный номер 2760.

«Ничто не вытравит религию». «До тех пор, пока массы сами не научатся». «Объединенно». «Планомерно». «Сознательно». «Бороться против капитализма во всех его формах») целенаправленно подчёркивало господствующее в то время представление о том, что любая религия тесно связана с интересами определенных социальных групп и классов. Тем самым создавалась прямая связь между религиозной

организацией сектантов и «гнилым империализмом». Так в фильме отражался заказ власти на разоблачение сектантства как реакционных течений, основанных на манипуляции чувствами и сознанием человека (илл. 2).

Заключение

Как видно, фильму «Сектанты» В. Королевича, как и другим советским антирелигиозным картинам, создававшимся при соединении научных и художественных подходов в рамках «культурной революции» [Шахнович, 2015], отводилась роль экранного агитатора, пропагандиста и мифотворца. Атрибуты религиозности сектантов (крест, молитва, священные книги) здесь становились составной частью кинематографического образа врага, противостоящего идеям социализма. Молитва, обряды, посещение сектантами собраний, их общение и таинства – все эти проявления религиозности сект использовались лишь для конструирования на экране образа прошлого мира, подлежащего уничтожению. Несмотря на то, что в резолюции XII съезда партии «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» (1923) отмечалась необходимость изучать историю религии, сам феномен религиозности сектантов и их культура выступали лишь в качестве эффективного материала для пропаганды новых идей и не представляли глубокого интереса для кинематографистов. Кроме того, далеко не все приметы религиозности становились публичным достоянием и избирательно изымались цензурой из монтажных киноповествований.

Фильм «Сектанты» интересен и с другого исследовательского ракурса. Дополненный иными формами антирелигиозной пропаганды, он наглядно отражает исторический процесс замены в СССР традиционной религиозности коммунистической идеологией, акцентирует внимание на формировании новой «веры», отрицающей бога, но признающей в качестве высшей силы партию и её «апостолов». Кинокартина позволяет рассмотреть, в каких образах происходило то «сближение» евангельского учения и революционного движения в сотериологическом ключе, о котором писал в 1933–1937 гг. философ Н.А. Бердяев [Бердяев, 1990], и ещё раньше, в 1918 г., этнограф и историк религии В.Г. Богораз (Тан). В частности, в исследуемом киноповествовании можно заметить условную переключку между позициями большевиков-«пропагандистов», верующих в наступление новой жизни и сектантов, готовящихся к Апокалипсису. Как видно, киноязык давал возможность конструировать непередаваемые словами образы, и транслировать их на широкую аудиторию в идеологически выверенной транскрипции. Не случайно, в своих теоретических работах о кино тот же В.Г. Богораз особо подчёркивал эффективность кинематографа как формата антирелигиозной пропаганды [Головнев, 2020].

В целом, поскольку в фильме «Сектанты» отражён целый спектр гуманитарных позиций своего времени – кинематографистов и зрителей, партийных пропагандистов и учёных, культпросвет-работников и «колеблющихся» – эта картина в настоящее время может быть расценена не только как ценный исторический источник, дающий представление об идеологических основаниях и законах развития кинематографа в раннесоветский период, но и как комплексное предметно-образное и дискурсивное пространство, представляющее интерес для широкого междисциплинарного осмысления.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Acknowledgement

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) as a part of the project № 21-18-00518, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00518/>

Список сокращений

РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов

Библиографический список

1. Андреева, Т. «Летуны» / Т. Андреева // Кино и жизнь. – 1930. – № 1. – С. 3.
2. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Волков, Н.Н. Секта скопцов / Н.Н. Волков. – Л.: ОГИЗ – «Прибой», 1930. – 143 с.
4. Головнев, И.А. «Марксистская этно-фильма» Владимира Богораза / И.А. Головнев // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 127–144.
5. Гурьянов, П.С. Антирелигиозная борьба большевиков в 1920–1930-е гг. при помощи кино / П.С. Гурьянов // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 8 (52) – С. 131–135.
6. Кукулин, И.В. Машины зашумевшего времени. Как советский монтаж стал методом неофициальной культуры / И.В. Кукулин. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 536 с.
7. Кулешов, Л.В. Уроки кинорежиссуры / Л.В. Кулешов. – М.: ВГИК, 1999. – 262 с.
8. Мазур, Л.Н. Визуальные репрезентации религиозной жизни советского общества в художественном кинематографе 1920-1980-х гг.: источниковедческий анализ / Л.Н. Мазур, О.В. Горбачёв // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 3–1. – С. 40–52.
9. Митрохин, Н.Л. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Н.Л. Митрохин. – СПб.: РХГИ, 1997. – 480 с.
10. Панченко, А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А.А. Панченко. – М.: ОГИ, 2002. – 544 с.
11. Паушкин, М.М. Кино через пять лет / М.М. Паушкин. – М.: Теакинопечать, 1930. – 123 с.
12. Полтевский, А.Н. Антирелигиозная фильма: Справочно-метод. пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне / А.Н. Полтевский. – М: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1930. – 32 с.
13. Поляновский, М. Где Екатерина слушала литургию / М. Поляновский // Кино и жизнь. – 1930. – № 1. – С. 4.
14. Потапова, Н.В. Эволюция политики советской власти по отношению к «сектантам» (евангельским христианам и баптистам) в начале 1920-х гг. / Н.В. Потапова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 19. – С. 126–130.
15. РГАКФД. Документальный фильм «Сектанты». Фонд кинодокументов. – Учётный номер 2760.
16. Трайнин, И.П. Искусство в культурном походе на Востоке СССР / И.П. Трайнин. – М.: Теакинопечать, 1930. – 80 с.
17. Ушакин, С. Медиум для масс – сознание через глаз: фотомонтаж и оптический поворот в раннесоветской России / С. Ушакин. – М.: Музей современного искусства Гараж, 2020. – 328 с.
18. Шагурин, Н.Я. Антирелигиозная передвижка / Н.Я. Шагурин // Кино и жизнь. – 1930. – № 8. – С. 16–17.
19. Шагурин, Н.Я. Безбожное кино в деревне: Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино / Н.Я. Шагурин. – М.: Теакинопечать, 1930. – 80 с.
20. Шахнович, М.М. Культурная революция в СССР и наука о религии / М.М. Шахнович // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 127–135.
21. Эйзенштейн, С. Избранные произведения: в 6 т. / С. Эйзенштейн – М.: Искусство, 1964. – Т. 2. – С. 269–273.
22. Cultural revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. by Sheila Fitzpatrick. – Indiana: Indiana University Press, 1984. – 309 p.

Текст поступил в редакцию 21.04.2021.

Принят к публикации 03.08.2021.

Опубликован 28.09.2021.

¹ *Помреж* – сокр. помощник режиссёра.

References

1. Andreeva T. *Kino i zhizn'* [Cinema and life]. 1930, no. 1., p. 3 (in Russian).
2. Berdjaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka, 1990, 224 p. (in Russian).
3. *Cultural revolution in Russia, 1928–1931*. Ed. by Sheila Fitzpatrick. Indiana: Indiana University Press, 1984, 309 pp. (In English).
4. Golovnev I.A. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2020, no. 6, pp. 127–144 (in Russian).

5. Gur'janov P.S. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history and culture], 2018, no. 8 (52), pp. 131–135 (in Russian).
6. Jezenshtejn S. *Izbrannye proizvedenija: v 6 t.* [Selected works]. Moscow: Iskusstvo, 1964, vol. 2, pp. 269–273 (in Russian).
7. Kukulin I.V. *Mashiny zashumevshogo vremeni. Kak sovetskij montazh stal metodom neoficial'noj kul'tury* [Noisy time machines. How Soviet Editing Became a Method of Unofficial Cultures]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 536 p. (in Russian).
8. Kuleshov L.V. *Uroki kinorezhissury* [Film Directing Lessons]. Moscow: VGIK, 1999, 262 p. (in Russian).
9. Mazur L.N., Gorbachev O.V. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]. 2013, no. 3–1, pp. 40–52 (in Russian).
10. Mitrohin N.L. *Baptizm: istorija i sovremennost' (filosofsko-sociologicheskie ocherki)* [Baptism: history and modernity (philosophical and sociological essays)]. St. Petersburg: RHGI, 1997, 480 p. (in Russian).
11. Panchenko A.A. *Hristovshhina i skopchestvo: Fol'klor i tradicionnaja kul'tura russkih misticheskikh sekt* [Hristovshhina i skopchestvo: folklore and traditional culture of the Russian mystic sects]. Moscow: OGI, 2002, 544 p. (in Russian).
12. Paushtin M.M. *Kino cherez pjat' let* [Movie in five years]. Moscow: Teakinopechat', 1930, 123 p. (in Russian).
13. Poljanovskij M. *Kino i zhizn'* [Cinema and life]. 1930, no. 1, p. 4 (in Russian).
14. Poltevsckij A.N. *Antireligioznaja fil'ma: Spravochno-metod. posobie po rabote s antireligioznoj fil'moj v klube i izbe-chital'ne* [Anti-Religious Film: A Reference Method. A guide to working with an anti-religious film in a club and a hut-reading room]. Moscow: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1930, 32 p. (in Russian).
15. Potapova N.V. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2014, no. 19, pp. 126–130 (in Russian).
16. *Russian State Archive of Film Documents*. The documentary film “Sectarians”. Film Documents Fund. No. 2760 (in Russian).
17. Shagurin N.Ja. *Kino i zhizn'* [Cinema and life]. 1930, no. 8, pp. 16–17 (in Russian).
18. Shagurin N.Ja. *Bezbozhnoe kino v derevne: Metodika i praktika antireligioznoj propagandy cherez kino* [Godless Cinema in the Village: Methods and Practice of Anti-Religious Propaganda Through Cinema]. Moscow: Teakinopechat', 1930, 80 p. (in Russian).
19. Shahnovich M.M. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015, no. 3, pp. 127–135 (in Russian).
20. Trajnin I.P. *Iskusstvo v kul'turnom pohode na Vostoke SSSR* [Art in a cultural campaign in the East of the USSR]. Moscow: Teakinopechat', 1930, 80 p. (in Russian).
21. Ushakin S. *Medium dlja mass – soznanie cherez glaz: fotomontazh i opticheskij povorot v rannesovetskoj Rossii* [Medium for the Masses – Consciousness Through the Eye: Photomontage and Optical Turn in Early Soviet Russia]. Moscow: Muzej sovremennoho iskusstva Garazh, 2020, 328 p. (in Russian).
22. Volkov N.N. *Sekta skopcov* [Sect of Skoptsy]. Leningrad: OGIZ “Priboj”, 1930, 143 p. (in Russian).

Submitted for publication: April 21, 2021.

Accepted for publication: August 3 2021.

Published: September 28, 2021.